

**Отзыв официального оппонента
о диссертации Сергея Григорьевича Пилецкого «Философский анализ
предпосылок агрессивности человека в свете современной науки», пред-
ставленной к защите на соискание учёной степени доктора философских
наук по специальности 09.00.08 – «Философия науки и техники»**

Осмысление человеческой агрессивности становится одной из ключевых задач междисциплинарного научного исследования постольку, поскольку от глубины понимания этого феномена, его эволюционных истоков, факторов и механизмов переноса природных импульсов в конструктивное русло культуры может зависеть дальнейшая жизнеспособность антропосферы Земли.

На протяжении тысячелетий о подоплёке и эффектах агрессивности размышляли философы, художники и религиозные пророки. Со второй половины 19 века она сделалась предметом комплексного изучения со стороны социологов, психологов, антропологов, этологов и биологов, затем сформировались стыковые направления: социобиология, биополитика и т.д. Диссертант как раз и поставил задачу философски исследовать естественнонаучные и гуманитарные трактовки предмета, способствуя их синтезу.

Диссертация структурно состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы. В первой главе автором дана ретроспекция того исторического вклада, что был наработан выдающимися советскими и зарубежными учёными в рамках биологической науки и послужил основой становления этологии как науки о поведении. Существенное внимание уделяется анализу методологической базы и гносеологического инструментария этологии. Подвергается критике практикуемая многими ведущими авторитетами методология редукционизма и неумеренного использования метода аналогии, приводящие к антропоморфизации поведения животных и, наоборот, зооморфизации поведения человека.

В главе проводится обстоятельный философский анализ трёх наиболее авторитетных теоретических построений в рамках этологической науки, ставящих исследование феномена животной и человеческой агрессии, – концепций К. Лоренца, Н. Тинбергена и И. Эйбл-Эйбесфельдта. Стоит отметить, что каждая из этих концепций анализируется диссертантом в контексте соответствующих естественнонаучных, мировоззренческих и методологических предпосылок. Именно в таком свете реконструируются и ставшая уже классической «импульс-разрядная модель», предложенная Лоренцем, и небезызвестная «иерархическая модель поведения» Тинбергена, и модель, предложенная Эйбл-Эйбесфельдтом. Последняя предстаёт как, с одной стороны, продолжение прежней «инстинктивистской» схемы, а с другой стороны, её частичная содержательная ревизия.

Завершает главу критический анализ теоретических разработок, касающихся проблемы агрессивности и выдвинутых представителями современной российской школы этологии. Всё это, безусловно, является свидетельством научной новизны представленной автором работы. Особо хотелось бы подчеркнуть в данной связи, что большая часть трудов зарубежных этологов, задействованных автором, до сих пор на русском языке не издавалась.

Вторая глава, в которой исследуется феномен животной и человеческой агрессии в рамках социобиологии, также предваряется комплексным разбором естественнонаучных и гносеологических основ социобиологической программы по изучению поведения человека. В ней существенное внимание уделено выяснению тех методологических сложностей и «нестыковок», что влекла за собой социобиологическая установка (вслед за этологией) на последовательный редукционизм, на экстраполяцию метода аналогии с животного мира на мир людей и на упорный поиск «инвариантов» при сопоставлении, с одной стороны, поведения человека и животного, а с другой стороны, поведения людей разных этносов и культур.

С этих позиций в главе подвергается системному критическому анализу та концептуальная модель, которая была предложена основоположником социобиологии Э.О. Уилсоном и которая интерпретировала агрессивность животных и человека в качестве своеобразного «концентрато-зависимого фактора» по контролю над ростом популяции. Затем в главе представлена и подвержена обстоятельному анализу более поздняя модель толкования животной и человеческой агрессии, представленная Уилсоном и Ч.Дж. Ламсденом на базе созданной ими теории «генно-культурной коэволюции». Необходимо отметить, что прежде ни первоначальная социобиологическая модель агрессии, ни более поздний вариант его интерпретации в отечественной философской литературе специальному анализу не подвергались.

Третью главу диссертант посвящает выяснению специфики и своеобразия гуманитарного подхода к изучению феномена человеческой агрессии, а также представлению и критическому анализу концепций, выработанных в рамках различных направлений социально-гуманитарного знания – психологии, социологии девиантного поведения, биополитики и пр. Автором даётся обстоятельный анализ «фрустрационной модели» объяснения человеческой агрессивности Дж. Долларда и Н. Миллера, «инструментальной модели» понимания агрессивности человека в контексте теории социального научения

А. Бандуры, «комбинированной», или «синтетической», модели понимания человеческой агрессивности Л. Берковица, Р. Бэрона и Д. Ричардсон. Разбирается проблема агрессии в ракурсе разработок современной отечественной психологии и социологии девиантного поведения. В завершение главы рассматривается проблема агрессивности человека как принципиальный вопрос новой отрасли социально-гуманитарного знания – биополитики, а также трактовка агрессии в контексте Универсально-исторической эволюционной модели.

Эрудиция диссертанта и объём изученного материала впечатляют, но приходится также с огорчением отметить, что автор, «зарывшись» в обилие источников, не уделил достаточно внимания отработке понятийного аппарата.

Так, я не нахожу в тексте авторского определения или хотя бы чёткого обозначения ключевой категории *агрессивность*. По непонятной причине определение *агрессии* дано только в разделе «Заключение» (с.489), причём оно представлено как общеизвестное и тривиальное («Напомним, что...»). По мнению автора, «агрессия» и «агрессивность» – синонимы? И отчего он сугубо негативно трактует это понятие – в духе, скорее, публицистики, классической этики или политологии, чем современной междисциплинарной науки? При этом совершенно игнорируется, то, на что так или иначе указано едва ли не во всех обсуждаемых в диссертации работах? Скажем, согласно тому же Лоренцу, превращёнными формами агрессии становятся такие культурно ценные явления, как творчество, любовь, дружба, юмор и т.д., но в собственных выводах диссертанта такого рода наблюдения никак не отражены.

Судя по определению и по всему содержанию текста, диссертант также не проводит различия между понятиями агрессии и *насилия*, что ещё более удивительно в свете исследованного материала. Из нерасчленённости понятий и вытекает целая серия недоразумений.

Например, «многие из нас полагают, что... агрессивность человека падает» (с.488). Сам автор убеждён, напротив, в «бесспорном росте человеческой агрессивности» и о том, что на протяжении истории «нравственного прогресса-то нет, а вот прогресс искусственных вооружений налицо» (с.492).

Хотел бы я посмотреть на тех «из нас» кто полагает, будто агрессивность падает, и спросить у них, а заодно и у диссертанта: на чём основаны такие суждения? Если бы диссертант не декларировал столь безусловное неприятие редуccionизма, то можно было бы предположить, что фон агрессивности исторически возрастал вместе с концентрацией населения – по крайней мере, так учит нас зоопсихология. Известна и другая точка зрения, ещё более спекулятивная – что уровень агрессивности есть антропологическая константа, т.е. она со временем не изменялась. А вот снижение агрессивности как основы жизнедеятельности стало бы настоящей трагедией, свидетельством вырождения человеческого рода; насколько мне известно, ни один серьёзный исследователь такого предположения не высказывал (даже культурологи-«циклисты», полагающие, что со снижением «пассионарности» цивилизации угасают, указывают на их регулярную смену новыми пассионарными этносами). Да и никто пока не предложил методов кросс-культурного или сравнительно-исторического замера уровней агрессивности.

Тем не менее, по убеждению диссертанта, на протяжении тысячелетий агрессивность «бесспорно» (с.492) возрастала при одновременном «прогрессе» вооружений. Только вот незадача: как же, в таком случае, человечество умудрилось дожить до 21 века, пройдя через горнило множества антропогенных кризисов и катастроф? И не только дожить, но и достичь численности, на пять порядков (в 100 000 раз!) превышающей естественную вместимость экологической ниши? Приходится допустить наличие какого-то системного фактора, компенсирующего рост убойных возможностей и демографической плотности (а с ней, возможно, и фона агрессивности).

Вот здесь и оказывается решающим принципиальное различие между такими понятиями, как «агрессивность», «агрессия», «насилие» (физическое и виртуальное) и т.д. Если методов сравнительной оценки агрессивности мы не знаем, то на сегодняшний день в культурной антропологии, исторической социологии и психологии разработаны единые методы оценки уровней насилия. Точнее, физического насилия, а ещё точнее – смертоносного насилия. Для этого используется коэффициент кровопролитности: отношение среднего количества убийств в единицу времени к численности населения.

Независимые сравнительно-исторические и кросс-культурные расчёты этого показателя проводились в Германии (начиная с работ Н. Элиаса), в Англии, в России и в США, и они обнаружили парадоксальный факт. По мере того как взаимные убийства облегчались, уровень смертоносного насилия в обществе нелинейно, но последовательно сокращался! Анализ множества локальных, региональных и глобальных катастроф антропогенного происхождения (вызванных неизбежными диспропорциями в развитии технологий и культурно-психологических регуляторов агрессии) позволил раскрыть и механизм этой удивительной зависимости. Выяснилось, что те социумы, которым не удавалось своевременно привести гуманитарную культуру в соответствие с возросшим инструментальным потенциалом, подрывали природные и/или геополитические основы своего существования и последовательно выбраковывались из истории, пав жертвами собственного декомпенсированного могущества. Именно безжалостный культурно-исторический отбор обусловил вектор снижающейся кровопролитности.

Ссылки на якобы беспримерную жестокость 20 и тем более 21 века в данном контексте неуместны: в ряде работ, проанализированных в основной части диссертации, подробно показано, какими психологическими абберрациями и идеологическими предрассудками обусловлена эта иллюзия. Подробные расчёты показали, что 19 век не уступает 20 веку (с его мировыми и гражданскими войнами, концлагерями и Хиросимой) даже по абсолютной

сумме насильственных жертв, а по коэффициенту превосходит его в разы. Первое десятилетие 21 века и вовсе ознаменовано рекордно низким уровнем насилия в мире: по данным ООН и ВОЗ, с 2000 по 2010 годы ежегодная сумма жертв вооружённых конфликтов, политических репрессий и бытового насилия составляла около 500 000 человек, тогда как население Земли приближалось к 7 миллиардам. К несчастью, во втором десятилетии ситуация стала существенно ухудшаться, и при оценке сценариев дальнейшего развития без использования глобальных эволюционных моделей не обойтись.

Диссертант иронизирует по поводу «нравственного прогресса», и можно согласиться, что это понятие слишком оценочно нагружено, чтобы служить научной категорией. Но надо признать и другое: планетарная цивилизация дожила до наших дней только благодаря тому, что до сих пор людям удавалось учиться на кризисах и катастрофах, адаптируя культуру самоорганизации к неуклонно возраставшей технологической мощи. Это позволяет корректно ставить вопрос о том, насколько далеко совершенствование регуляторов может продолжиться, какие тенденции в общественном сознании и как могли бы повысить шансы на сохранение антропосферы в начавшемся столетии.

Добавлю, что, на мой взгляд, диссертант чересчур прямолинейно трактует роль СМИ в динамике социальной агрессивности (с.492-493). Новейшие исследования показали, что *виртуализация* служит важным механизмом переноса агрессии и, соответственно, ограничения физического насилия, о чём, кстати, писал ещё Аристотель (концепция катарсиса)...

Думаю, в дальнейшей работе диссертанту могут быть полезны приведённые замечания, которые остаются элементом научной полемики и не исключают позитивную оценку работы. В целом представленная диссертация является законченной научно-квалификационной работой и полностью отвечает требованиям пп.9,10, 23 «Положения о порядке присуждения учёных степеней (ред. Постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 года

№842), предъявляемым ВАК РФ к докторским диссертациям, а её автор, Пилецкий Сергей Григорьевич, заслуживает присуждения искомой степени доктора философских наук по специальности 09.00.08 – философия науки техники.

Автореферат и статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК, отражают основные положения диссертации.

Назаретян Акоп Погосович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

